

РЕЦЕНЗИИ

Наука и ее этос в эпоху перемен

Рецензия на коллективную монографию «Этос науки» / РАН.

Ин-т философии ; Ин-т истории естествознания и техники ;

отв. ред. Л. П. Киященко и Е. З. Мирская. М. : Academia, 2008. 544 с.

Трудно поверить, что через 40 лет после выхода в свет сборника «Наука и нравственность» (М., 1971), на который А. Г. Харчевым мне было поручено подготовить рецензию (так и не опубликованную), мне же придется писать рецензию на коллективную монографию «Этос науки», являющуюся итоговым исследованием российских ученых по теме «наука и мораль». История становления этики науки в СССР–России свидетельствует о том, что ни один из авторов сборника 1971 года не стал заниматься в дальнейшем этой проблематикой. Тем приятнее констатировать, что подготовленная тогда рецензия подтолкнула автора этих строк к выбору в качестве объекта исследования для всей последующей научной жизни темы, признанной сегодня составной частью науковедения. Предметом изучения рассматриваемой коллективной монографии является не только эволюция, интерпретация и применимость концепции этоса науки, амбивалентности ее норм, разработанная Р. Мертоном в 40–60-х годах прошлого века, в условиях постнеклассической науки, но и более широкий спектр этических и методологических проблем науки, в частности проблема свободы творчества и ответственности ученого как в прошлом, так и в настоящем. Организаторами этого масштабного проекта московских авторов являются ответственные редакторы монографии — доктор философских наук Л. П. Киященко, представитель философии науки, и доктор социологических наук Е. З. Мирская, представитель социологии науки, видные науковеды, которые объединили усилия 27 наиболее компетентных российских философов и социологов науки. Прделанная работа является *своевременной и необходимой* в условиях постоянного реформирования российской науки для признания науковедения как формы самопознания науки, и *очень полезной* для обсуждения возникшей проблемы применимости норм этоса науки Р. Мертона в постакадемической науке, для обсуждения ее новых этических проблем, составляющих сегодня объект этики науки.

Монография включает 23 авторские статьи (не считая введения ответственных редакторов) и содержит три раздела: 1. Этос науки: историко-культурологический аспект;

2. Методология междисциплинарного анализа этоса науки; 3. Этос науки: казусы и их истолкования. Монография фиксирует *концептуальное* положение о том, что самосознание науки сегодня раздвоено в силу того, что среди ученых еще сохраняются традиционные представления и претензии на внутреннюю самодостаточность и автономность науки при заметном усилении и признании внешнего воздействия на нее со стороны общества, его институтов. Поэтому и самосознание науки не может быть представлено как целостный и динамически развивающийся феномен, поскольку сохраняется автономное рассмотрение двух составляющих науки: «науки как *системы развивающегося знания*, нацеленного на объективированное, системно-структурированное и обоснованное знание о мире (предмет философии и методологии науки), а также науки как *сферы деятельности* специфического профессионального сообщества и *социального института* (предмет социологии науки)» (Введение, с. 7–8). Соответственно авторы статей рассматривают этическую проблематику науки с двух четко разведенных позиций: философии (методологии) науки и социологии науки. «Ситуация разведения» легко превращается из достоинства в недостаток, особенно при отсутствии у большинства авторов статей подхода этического. Морально-этические проблемы науки в условиях признания этики науки в качестве нового направления имеют право на дополнение философского и социологического подходов этическим подходом.

Этос науки впервые в России стал предметом комплексного рассмотрения, что дало адекватное представление о процессах познания и о самосознании современной науки. Он стал тем фокусом анализа, который позволил объединить естественным образом упомянутое разделение науки на эпистемологические (внутренние) и социокультурные (внешние) факторы ее развития. Это объединение содержит, несомненно, эвристический потенциал.

Центральным для большинства статей монографии является вопрос о том, действуют ли нормы этоса науки, сформулированные Р. Мертоном в 40–60-е годы XX века, в постакадемической науке или же они устарели и заменены другими: ведь для современной науки характерны дух бизнеса и коммерции, жесткая конкуренция ученых и прагматизм, иная система финансирования, то есть иные ценности, иная мотивация деятельности ученых. Ответы авторов различны, неоднозначны, обоснованы с позиции специализации авторов, среди которых нет этиков. Они имеют право на существование, хотя, по мнению ряда авторов, в первую очередь Е. З. Мирской и Л. П. Киященко, «вечный» характер мертоновских норм и их совокупности — этоса науки — обуславливает и их слабость, и их силу. «Его нормы выступают в роли идеальных регулятивов, которые помогают ученым разобраться в повседневных проблемах их реальной научной жизни» (с. 10–11). Автор этих строк вполне солидарен с таким ответом и свою позицию относительно этоса науки Мертона и некоторых идей ряда авторов монографии изложил подробно в статье в четвертом номере данного журнала за 2010 год.

Не имея возможности даже кратко представить широчайший спектр точек зрения, присутствующих в монографии: от практического отрицания действительности норм этоса науки сегодня (например, в статье Н. В. Деминой) до признания их «вечности», отметим несколько ключевых моментов, касающихся поставленного вопроса о жизнеспособности норм этоса науки сегодня.

В статье В. С. Степина признается идея *эволюции* этоса науки, развитие норм которого от классического до постнеклассического этапа рассматривается через призму разных типов рациональности. Для постнеклассической науки характерен иной тип

рациональности, предполагающий включение аксиологических факторов в состав объясняющих положений. Здесь «этнос» трактуется пока в духе Мертона. В целом же авторы — социологи науки — в своих статьях трактуют понятие этноса не расширительно, а придерживаются мертоновского понимания. Это относится к статьям Г. С. Батыгина, А. Л. Блинова, Н. В. Деминой, Е. З. Мирской, Э. М. Мирского, А. П. Огурцова, Б. И. Пружинина, Б. Г. Юдина, к большинству авторов третьего раздела монографии. Ближе к реальному положению этноса науки сегодня нам представляется точка зрения Б. И. Пружинина, который считает, что наряду с этносом фундаментальной науки, в значительной степени наследующей основные черты классической науки, отраженные в этносе Мертона, *сегодня сформировался этнос прикладной науки*, а его специфические установки порождают мотивацию, которая начинает пронизывать все уровни познавательной деятельности, фактически раскалывая единый этнос науки (с. 108–121).

В некоторых статьях монографии присутствует, на наш взгляд, чрезмерно широкая трактовка понятия «этнос науки», причем вовсе не по Мертону. Так, например, в интересной и имеющей большой эвристический потенциал статье Л. П. Киященко, опирающейся на одну из интерпретаций парадигмы Т. Куна (дисциплинарная матрица включает разного рода предписания — символические обобщения, «метафизические» части парадигмы, «ценности», образцы), этнос постнеклассической науки понимается как... *настроение определенного сообщества*. «Этнос современного познания предстает в разнообразии его организационных форм. Это не только дисциплинарное и специальное знание, существующее в университетах и институтах, зафиксированное в учебниках. Трансдисциплинарное сообщество... может быть названо общностью экзистенциального настроения <...> Имеется в виду настрой как установка, например, на следование нормам дисциплинарной матрицы или же ориентация на отслеживание их изменения» (с. 224). В других статьях эта интерпретация этноса, как и понятие парадигмы Т. Куна, приветствуется как дополнение мертоновского понимания науки и ее этноса. Но подобная трактовка этноса науки привела к признанию двойной ответственности ученого.

Кроме таких своеобразных трактовок этноса науки, в монографии, на наш взгляд, присутствует определенная подмена этических понятий, поскольку на языке этики «этнос» — это не нормы-идеалы Мертона, а реальные нравы, которые действительно пронизаны меркантильностью. Поэтому и появились за последние четыре десятилетия множество вариантов «новых кодексов» науки, а реально антинорм науки. На базе интенсивного тестирования представителей прикладной науки предлагаются иные нормы, отражающие, по их мнению, новые реалии постакадемической науки. Мы имеем в виду предлагаемые системы антинорм Р. Богуслава (1968), И. Митроффа (1974), С. Фуллера (1997) или Дж. Зимана (1996, 2000), если перечислить наиболее видных исследователей. Например, по мнению последнего, постакадемическое научное сообщество характеризуется не столько поиском истины, сколько поиском выгоды, прагматичностью, ориентацией на иные нормы жизнедеятельности, когда во главу угла ставится этика полезности, жесткая конкуренция и желание зарабатывать, а исследовательские группы превращаются в малые бизнесы. В противовес «идеалистической» системе норм Мертона (CUDOS + OH), Дж. Зиман предлагает систему PLACE (Proprietary, Local, Authoritarian, Commissioned and Expert work). Эти системы норм подробно анализируются рядом авторов коллективной монографии, рассматриваются и нами в упомянутой статье в 4-м номере данного журнала за 2010 г. В ней обоснована идея о том, что нормы этноса науки Мертона выражают «этическое должное» в науке во все

времена, в то время как нравственное «сущее», нравы (а это и есть «этнос»), никогда не совпадает с этическим «должным». В этом несовпадении «сущего» и «должного» — особенность проявления морали и нравственности как формы ценностно-оценочного освоения действительности. Следовательно, авторов монографии (за несколькими исключениями, о которых мы писали в упомянутой статье) можно упрекнуть в отсутствии этического подхода, этического объяснения этого несовпадения.

Неприемлемо для самочувствия людей науки и чрезмерно абстрактное философствование В. М. Розина по поводу перехода ученого от трансцендентального субъекта к личности и субъекту: как личность ученый должен взять на себя ответственность за последствия своих научных занятий, а как субъект познания — за строгость и эффективность своих научных построений. В социологии науки есть понятие «субъект науки», индивидуальный уровень которого обозначает личность ученого с присущими ей специфическими чертами. Раздвоение личности ученого появляется тогда, когда в его сознании и поведении в силу определенных причин постоянно присутствует ценностный конфликт между тем, что он делает, и тем, что он считает должным делать как ученый и гражданин. Во многих статьях монографии (например, Вл. П. Визгина, Г. С. Батыгина, Е. З. Мирской, Э. М. Мирского, Б. Г. Юдина и др.) раскрываются подобные нравственные коллизии в науке прошлого и настоящего в разных ее отраслях — ядерной физике, генетике, фармакологии, медицине, информатике и др. Ученые сегодня чаще поставлены жизнью перед подобными нравственными дилеммами, в которых раскрывается и проявляется гражданская и нравственная позиция личности.

В рассматриваемой монографии справедливо подчеркивается мысль о том, что если два-три десятилетия назад этические проблемы науки возникали в редких случаях, касались лишь отдельных отраслей науки, то сегодня научно-технический прогресс рождает их постоянно, непрерывно, и решать их приходится также постоянно. Справедлива и мысль о том, что в одних отраслях науки этические проблемы стоят острее, жестче, чем в других, а их публичное обсуждение становится способом изменения имиджа науки. Ценной также представляется посмертная публикация статьи Г. С. Батыгина, посвященная этическим нормам коммуникации, в частности в виртуальном сообществе ученых.

Тем обиднее констатировать, что при таком многообразии авторов, подходов, свободе участия, лишь три-четыре автора являются признанными специалистами в области этики науки. Можно сожалеть и о том, что монография не содержит ни одной статьи, посвященной экологической этике и экологической экспертизе как составной части социальной экологии и самосознания современной науки.

Несомненным достоинством книги является стиль работы, как и *развернувшаяся в монографии дискуссия* между отдельными авторами, которые учитывают существующие в статьях позиции, высказывания, точки зрения, что свидетельствует о наличии толерантного отношения к «другому», к инакомыслию как стилю современного рационализма. Обращение к теме этоса современной науки свидетельствует о непреходящем значении и *возрастании роли морального фактора в функционировании социального института науки*, а непрерывно расширяющееся публичное обсуждение этических проблем науки способствует формированию положительного имиджа науки в общественном мнении. Общество должно видеть опасность не в самой науке, а в применении ее достижений, что напрямую связано с уровнем развитости гражданского общества в стране.

Рассматриваемая работа представляет собой *значительный коллективный вклад в разработку этических и методологических проблем науки*, в статьях привлечен огромный объем первоисточников и литературы по теме на русском и иностранных языках. Монография имеет не только теоретическое значение, но и практически-воспитательное: для аспирантов, молодых ученых и всех людей науки, размышляющих о гуманизме своей профессии, перспективах развития науки и цивилизации.

Рецензент — д-р филос. наук, проф. *М. Г. Лазар*

Рецензия

**на книгу: И. П. Цапенко. Управление миграцией: опыт развитых стран /
Ин-т мировой экономики и международных отношений РАН.
М. : Academia, 2009. 384 с.**

Миграционные процессы в России за последние два десятилетия изменились радикальным образом, мы столкнулись с новыми, прежде не известными общественными явлениями — потоками беженцев, трудовой иммиграцией из ближнего зарубежья, «утечкой мозгов». Часто данные социальные феномены способствуют конструированию мифов и предубеждений в массовом сознании, становятся «разменной монетой» в популистских политических дебатах. Миграция населения влечет за собой клубок проблем — этнических, экономических, религиозных, порождает конфликты, а потому настоятельно требует социальной рефлексии.

В панораме литературы, посвященной проблемам миграции, выделяется книга известного автора И. П. Цапенко. Исследование отличает, прежде всего, комплексность анализа: автор артикулирует причины и факторы, определяющие магистральные направления перемещения людских ресурсов; дает обстоятельную характеристику исходящей мобильности; детально эксплицирует экономические, социальные, политические последствия миграции в принимающих социумах; представляет основные стратегии миграционной политики. Перед читателем вырисовывается крупномасштабная картина передвижения кадровых потоков из стран доноров в страны реципиенты, охватывающая образовательную, трудовую и инновационную сферы.

В монографии убедительно показывается, что «переселение народов» — это судьба современного мира, способ, с помощью которого государства с развитой экономикой решают проблемы демографического спада («седой революции» — с. 99) и диспропорции на рынке труда, усиливают свой инновационный потенциал. Используя обширный статистический материал различных баз данных и результаты социологических исследований, которыми изобилует книга, автор фиксирует особенности социально-демографического состава приезжающих на временное или постоянное место жительства: иноэтничность, поляризация уровня образования и квалификационной структуры (с. 74), обусловленная специальными государственными программами, разнородность социального состава (от наемных работников до инвесторов и специалистов ИКТ), сдвиг возрастной шкалы в сторону молодого